

Перспективы, которые она рисовала, были действительно пленительными, и Линь Дашань словно увидел белеющие серебряные монеты, сверкающий шелк. Он облизнул пересохшие губы и задал самый главный вопрос: «А... сколько сторона Лю собирается дать в качестве выкупа за невесту?» Если выкуп будет достаточно щедрым, то риск «ускорения счастья» вроде бы не был непереносимым.

Сватья Ван только этого и ждала. Она выставила пять толстых коротких пальцев и энергично помахала ими перед Линь Дашанем, ее голос звучал соблазнительно: «Вот столько! Пятьдесят лянов! Наличными! И господин Лю сказал, что если все получится, то в будущем мы будем породненной семьей, и если магазину в городе понадобится рабочий, вас тоже в первую очередь возьмут!»

«Пятьдесят лянов!» Линь Дашань и Чжао Ши, вышедшая из комнаты на этот звук, одновременно ахнули, их глаза мгновенно расширились! Чжао Ши от волнения даже руки затряслись. Пятьдесят лянов! Сколько же это денег! Сколько можно купить земли? Какой большой дом из черепицы построить? Сколько новой одежды и серебряных украшений можно сделать? Она словно увидела золотые горы и серебряные горы, манящие ее.

«Папа! Это... это же...» Чжао Ши от волнения потеряла дар речи, дергая Линь Дашаня за рукав: «Пятьдесят лянов! Богач Лю поистине щедр!»

Сердце Линь Дашаня тоже колотилось. Его прежние сомнения почти развеялись под натиском этой огромной суммы. Пятьдесят лянов чистым серебром — этого было достаточно, чтобы он полностью перевернул свою жизнь и стал одним из самых богатых людей в деревне! Его дыхание стало тяжелым, щеки покраснелись, и он, казалось, был готов тут же согласиться.

Однако лицо Госпожи Лю было бледным. Она схватила Линь Дашаня за руку и со слезами в голосе сказала: «Муж! Нельзя! Это же для «ускорения счастья»! Если юный господин Юй женится и... и... если с младшим господином семьи Лю что-то случится, что будет с нашим юным господином Юй? Это же бросить его в огненную яму!» Как мать, она прежде всего думала о счастье и безопасности сына.

«Ты ничего не понимаешь!» Линь Дашань был на взводе, и когда Госпожа Лю попыталась его остановить, он в ярости отдернул ее руку: «Женский взгляд! Что такое семья Лю? Юный господин Юй выходит замуж за них — значит, будет жить в достатке! Даже... даже если что-то случится, это будет его судьба! Лучше, чем гнить в этой нищете! Пятьдесят лянов! Этого хватит, чтобы наша семья прожила с комфортом сколько лет!»

«Вот именно, вот именно!» — поспешно поддакнула Чжао Ши, закатив глаза на Госпожу Лю: «Папа, не мешай младшему брату на пути к богатству! Младший брат выходит замуж за обеспеченную госпожу, разве это страдания? Это чтобы наслаждаться жизнью! А потом, даже капля выльется из его пальцев, нам достанется! Младший брат, ты согласен...» С этими словами она хотела привлечь на свою сторону Линь Юй, который как раз вышел из-за дома.

Линь Юй, находившийся за домом, уже слышал весь разговор. Его лицо было спокойным и

непроницаемым, но взгляд — холодным, как непроглядная глубина мрачного зимнего озера. Он медленно подошел, его взгляд скользнул по возбужденным, жадным Линь Дашаню и Чжао Ши, по бледному и беспомощному Линь Юю, и остановился на красноречивой сватье Ван.

«Моим брачным делом, — его голос был негромким, но отчетливо звучал в ушах каждого, с непреклонной холодностью, — мне не нужно беспокоиться, сватья Ван. С семьей Лю я не женюсь».

В мгновение ока во дворе воцарилась тишина.

Румянец на лице Линь Дашаня мгновенно сошел, сменившись яростным темно-пурпурным цветом: «Ты, негодяй! Ты мне перечишь! Ты тут слово молвить не смеешь! Родители приказывают, свахи говорят! Твоим браком распоряжаюсь я, твой отец! Семья Лю — такая прекрасная партия, что они хотят тебя — это твоя удача, накопленная за восемь жизней! И ты еще смеешь перебирать? Ты что, крылья расправил?» Он так разозлился, что вены на его лбу вздулись, и он замахнулся, казалось, готовясь ударить.

Улыбка на лице сватьи Ван тоже застыла. Она не ожидала, что этот юноша из семьи Линь окажется таким непослушным и осмелится возразить ей в лицо. Она сухо рассмеялась пару раз, пытаясь сгладить ситуацию: «Ай-ай, юный господин Юй, ты что, стесняешься? Или считаешь, что выкуп мал? Семья Лю — люди щедрые, пятьдесят лянов выкупа — это редкий случай во всем городе! Твоя свадьба туда — это падение в гнездо счастья, будешь носить золото и серебро, иметь слуг, не лучше ли это, чем питаться лебедой в этой нищете? Девушки и юноши, они стеснительны, им нравится, но они не могут сказать этого вслух...»

Чжао Ши тоже забеспокоилась, боясь, что эти пятьдесят лянов улетят. Она поспешно стала уговаривать: «Младший брат, ты глуп! Это же огромное счастье! Пропустишь эту деревню — больше такого магазина не будет! Если ты хорошо устроишься, сможешь помочь и семье, разве нет? Родители растили тебя так долго, это нелегко, ты же не можешь думать только о себе?» Ее слова, казалось, были утешением, но на самом деле использовали сыновний долг и семейную ответственность, чтобы надавить на него.

Госпожа Лю с тревогой смотрела на сына, ее губы дрожали. Она хотела что-то сказать, но не решалась, слезы уже собрались в уголках глаз.

Линь Юй игнорировал гнев Линь Дашаня и уговоры сватьи Ван. Его взгляд, острый, как нож, сверлил сватью Ван: «Сватья Ван, давайте говорить начистоту. Насколько болен младший господин семьи Лю? Настолько, что нужно «ускорение счастья»? Это чахотка? Или какая-то другая неизлечимая болезнь? Выходя замуж, нужно ускорить счастье, или стать вдовой при живом муже? Или даже... стать погребальным жертвоприношением?»

Его слова были холодными и острыми, каждое слово — как ледяной крюк, безжалостно пробивало бумагу, замаскированную золотом и серебром, обнажая безобразную правду, скрывающуюся внутри. В эту эпоху, когда требовались такие меры, как «ускорение счастья», болезнь была далеко не легкой, и судьба тех, кто выходил замуж, часто была крайне

печальной.

Лицо сватьи Ван резко изменилось, ее взгляд начал уклоняться, она не смела смотреть в глаза Линь Юй, словно они могли заглянуть в душу. Она силой натянула улыбку: «Юй... Юный господин Юй, кто наговорил тебе всякую чушь? Н-нет такого! Младший господин семьи Лю просто немного слаб здоровьем, избалован, разве он так серьезно болен... Доктор, просто сказал, что свадьба — это радостное событие, может быть... может быть, если он обрадуется, его здоровье улучшится...» Чем больше она говорила, тем меньше уверенности становилось в ее голосе.

«Если не серьезно, зачем «ускорение счастья»? И зачем такая высокая цена — пятьдесят лянов, чтобы нанять меня, деревенского парня, у которого ничего нет?» Линь Юй продолжал напирать, его логика была четкой, каждое слово — в самое сердце: «Разве в городе нельзя найти подходящую молодую госпожу или молодого парня, с добрым здоровьем? Почему нужно искать так далеко, в нашей бедной горной деревне? Сватья Ван, вы действительно думаете, что мы такие глупцы, что совсем не можем догадаться о причинах?»

Сватья Ван была доведена до немоты, на лбу даже выступили мелкие капельки пота. Она что-то мямлила долго, но не могла найти подходящего оправдания, чтобы скрыть эту ложь.

Линь Дашань тоже был не совсем глуп. Его разум, одурманенный пятьюдесятью лянами, постепенно остывал. Да, когда что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, значит, что-то не так. Почему такая знатная семья, как семья Лю, обратила внимание на их семью? И почему такой высокий выкуп? Слова юного господина Юй были неприятны, но они пробудили его. Он с подозрением посмотрел на сватью Ван, его тон тоже стал серьезнее: «Сватья Ван, скажите мне честно, что случилось с младшим господином семьи Лю? Если вы мне солжете, я не посмею согласиться на этот брак!»

Сватья Ван, видя, что скрывать больше нечего, неохотно вытерла пот и, уклоняясь взглядом, сказала: «На самом деле... на самом деле, не так страшно, как сказал юный господин Юй. Просто... просто он болел некоторое время, его видели многие доктора, он принимал много лекарств, но большого улучшения не было... Доктора, они всегда говорят о худшем, говорят, что нужно «ускорить счастье»... Может быть, может быть, после свадьбы, если настроение улучшится, он... выздоровеет? Семья Лю — люди честные, они, конечно, не будут плохо обращаться с юным господином Юй, даже если... если что-то случится, он все равно будет жить в достатке до конца своих дней...»

Ее слова были равносильны косвенному признанию того, что младший господин семьи Лю был серьезно болен, и его перспективы были не очень хорошими.

Линь Дашань полностью замолчал. Соблазн в пятьдесят лянов все еще был огромен, но если его сын женится и вскоре станет вдовцом, или даже будет носить клеймо «приносящий смерть мужу», или что-то похуже... Разве эти деньги не были бы горячими в руках? Идя по деревне, он бы все равно подвергался пересудам, спина не выдержала бы от осуждения. Что еще важнее, нынешний Линь Юй казался немного «удачливым для семьи», он мог принести деньги и хорошие вещи. Если бы он действительно погиб в семье Лю, разве не потерялась бы надежда

на лучшее будущее, когда дела только начали налаживаться? Он должен был взвесить «небольшой, но стабильный доход» и «единовременную сделку».

Чжао Ши все еще была немного не желая смириться: ««Ускорение счастья» не обязательно означает... что если оно сработает? Тогда все будут счастливы? Пятьдесят лянов... хватит, чтобы построить несколько больших домов из черепицы...»

Линь Юй холодно взглянул на нее. Этот взгляд был ледяным, с оттенком легкого давления, от которого Чжао Ши мгновенно почувствовала, будто упала в ледяную пещеру. Последние слова застряли у нее в горле, и она испуганно опустила голову.

Линь Юй больше не обращал на нее внимания, повернулся к колеблющемуся Линь Дашаню и сказал ровным, но странно убедительным тоном: «Отец, еще слишком рано говорить о моей женитьбе. Сейчас у семьи дела немного наладились, я могу находить способы зарабатывать деньги, чтобы пополнять семейный бюджет. Если я женюсь, тем более в такой ситуации, разве это не прекратит семейный доход? И будущее, будь то удача или беда, трудно сказать. К тому же, тот странствующий торговец с юга сказал, что, возможно, будет дальнейшее сотрудничество, требующее стабильных поставок с моей стороны. Если я уйду, эта линия может прерваться».

Он искусно связал свою ценность с выгодой семьи, предложив Линь Дашаню причину, от которой тот не мог отказаться — стабильный и долгосрочный доход был гораздо привлекательнее, чем единовременные пятьдесят лянов. Он также подчеркнул, что этот «денежный поток» зависел от него, Линь Юй.

<http://bllate.org/book/18664/1799824>